

Светить, не выгорая

Как найти духовного наставника?

Архимандрит Кирилл (Семёнов) – духовник Московской областной епархии, клирик Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря. В Успенском соборе обители мы беседуем с батюшкой о Таинстве исповеди.

- Отец Кирилл, расскажите, пожалуйста, как исповедуются священнослужители.

- Да так же, как и миряне. Одни и те же молитвы читаются, один и тот же смысл носит само Таинство. Вот только священнику нужно исповедоваться как можно чаще. Его руками Господь совершает Таинства, поэтому его совесть должна быть предельно чистой, его духовная работа над собой – постоянной. В идеале исповедь должна предварять каждую Литургию – во многих монастырях, например, действует такое правило.

- Если так, то в чём тогда заключается функция епархиальных духовников?

- Один раз в год, Великим постом, на второй-третьей седмице проводится епархиальная исповедь. В один из этих дней священнослужители всей Московской епархии приезжают в Новодевичий монастырь. Это старинная церковная традиция, она носит прежде всего организационную направленность, помогает батюшкам, многие из которых практически не имеют времени, свободного от приходских забот, посвятить день «генеральной уборке» своей души. А главное, даёт возможность священникам благочиния исповедаться человеку более опытному как в вопросах служения Церкви, так и в вопросах, носящих житейский, бытовой характер. Разве у священников нет проблем и переживаний? Им тоже нужен мудрый совет от духовного наставника. В Московской епархии сейчас восемь духовников. Они не только проводят ежегодную исповедь всего духовенства в Великом Посту, но и в течение года принимают нуждающихся в духовном врачевании и совете священнослужителей.

- Священнослужитель должен исповедоваться только человеку более высокого духовного звания?

- Совсем не обязательно! Архиерей, убелённый сединами, может прийти на исповедь к молодому священнику, которого только вчера рукоположили. Полнота благодати священства не зависит от стажа служения - ею священник наделяется сразу в момент хиротонии.

С другой стороны, исповедь делает сан и должность исповедующегося священника категорией вторичной, а на первый план выступает само Таинство. Об этом свидетельствует обычай, которого придерживаются некоторые священники: снимать свой наперсный крест перед исповедью, приступать к Таинству как обычный кающийся грешник, без корпоративных уступок и снисхождения своего собрата, отпускающего грехи.

- Вы волнуетесь, когда исповедуете священника, – ведь это особая ответственность?

- Не так важно, кто именно исповедуется – священник или ребёнок, молодая женщина или старец. Просто есть ситуации, когда ты хорошо знаешь человека, его проблемы и принимаешь их близко к сердцу. Ты включаешься в его личную жизнь – и тогда, действительно, сердце начинает трепетать. Но с годами, с опытом всё-таки приходит умение верно оценить ситуацию, и ты знаешь, что человеку сказать. Или не сказать ничего – просто помолчать вместе с ним.

- Какой характер носит исповедь священника? Это констатация грехов или обстоятельная богословская беседа?

- Совершенно вне зависимости от того, кто исповедуется, любая исповедь является Таинством, и потому не нуждается ни в каких нормативных ограничениях. Одни батюшки исповедуются сжато, другие продолжительно, глубоко – видно, что исповеди предшествовала серьёзная подготовка. Но в любом случае неправильно видеть в исповеди беседу с психологом или превращать её в самокопание, иначе суть самой проблемы ускользает. Сказано в Евангелии: *«Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого»* (Матф. 5,33-37). Особенно опасно, когда грех начинает излагаться в подробностях – тут и до любования грехом недалеко.

- Некоторые ощущают дискомфорт, когда приходится исповедоваться человеку уважаемому, к тому же стоящему выше по служебной лестнице...

- А комфорт и исповедь несовместимы! Вот радость – от проделанной духовной работы, от освобождения от греха – да, может иметь место. Хотя мне, действительно, приходилось от мирян слышать: «Батюшка, я слишком вас уважаю, чтобы при вас каяться». Какая глупость! Если бы священники отворачивались от людей за их признания о смертных грехах, то нам сегодня и некого исповедовать было бы. Однако благодать священства настолько сильна, что она хранит священника от возможности заразиться

грехами, с которыми к нам идут люди. Мне такие страшные вещи приходилось слышать от исповедуемых, но у меня отношение к этим людям не изменилось! После искреннего покаяния грех уничтожается, а человек, будь он самый последний грешник, остаётся как образ и подобие Божие, которого ты, священник, любил и будешь любить. Да и разве я судья? Исповедь – это разговор человека с Богом, а я лишь слуга и свидетель.

- Верно ли, что в последнее время священники стали чаще исповедоваться в грехах, связанных с их «профессиональным выгоранием»?

- К сожалению, сейчас этот нецерковный термин всё теснее входит в наш обиход. А в самой Церкви на этот счёт существуют разные мнения, в том числе и достаточно радикальные: выгорание - самопризнание в «профнепригодности» - происходит от излишнего внимания к себе и от недостатка загруженности делами прихода. Сам я не могу со всей определённости ответить на этот вопрос, потому что не знаю, что такое «выгорание». По моему мнению, у священника могут быть болезни, усталость, скорби, даже уныние, как у всех людей, но когда приходится слышать: «Я устал от этих бесконечных бабушек, их исповедей об одном и том же, от рутины, от одних и тех же молитв...» то смею полагать, что это происходит не от переизбытка, а как раз от недостатка молитвенной жизни. И от недостатка любви к Богу, к пастве, к своему делу. Это не громкие слова. Мы и у святых отцов читаем: чем больше любви – тем больше усердия.* И если человек движется к Богу, то Бог обязательно выходит ему навстречу – помните притчу о Блудном сыне? Поэтому я думаю, что выгорание – это надуманное. Следствие того, что в жизнь Церкви вторгается очень много секулярного, мирского.

* Любовь производит усердие, усердие же побуждает держаться правильного, а путь неправды делает ненавистным (Иоанн Златоуст).

- Кстати, кого из святых отцов вы рекомендовали бы читать, готовясь к исповеди?

- Всех! Каждый из них в той или иной мере отразил в своих трудах не столько личный молитвенный опыт, сколько дар внимать Святому Духу, а потому каждая их строка, в особенности отцов-аскетов, бесценна. Это настоящие светильники веры. Могут порекомендовать авву Дорофея, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, святого Феофана Затворника. Из более современных авторов - отца Александра Ельчанинова и митрополита Антония Сурожского. Я вот взялся перечитывать святителя Игнатия Брянчанинова – и в который раз поражаюсь его таланту взять всё самое ценное из того, что говорили святые отцы древности, осмыслить, сконцентрировать в некую

квинтэссенцию и изложить доступно для современного христианина. Сейчас, к сожалению, многое черпается не из книг, а из интернета, кое-кто из батюшек там слишком много свободного времени оставляет – а ведь в интернете, говоря словами апостола Павла, всё нам позволительно, но далеко не всё полезно.

- Отец Кирилл, вы также проводите ставленническую исповедь. Расскажите об этом подробнее.

- Принимать исповедь кандидатов на поставление в священный сан (их называют ставленниками) - ответственное послушание. Сначала исповедуется супруга кандидата, ведь ей придётся разделять не только радость, но и тяготы служения Матери-Церкви, от неё во многом зависит успех дальнейшего служения диакона, а позже священника. Перед Крестом и Евангелием оба супруга должны показать, что к рукоположению нет канонических препятствий – таких, как грех убийства, судимость и других. В этом случае Таинство «ставленнической исповеди» – последняя проверка совести человека перед принятием сана.

- Словом, Таинство исповеди можно считать одним из необходимых средств формирования хорошего священника. А кого, по-вашему, можно считать хорошим священником?

- Того, кто любит служить Богу и людям. Это не ленивый человек, для него служба – не работа по графику, а потребность, радость встречи с Богом, даже просто с богослужебным текстом. Своих прихожан он не просто знает, а чувствует, чем живёт каждый из них. Хороший священник не празден и всегда откликается на любую просьбу – навестить больного, арестованного, поехать на кладбище, о ком-то помолиться, кому-то помочь. Это человек с чистой совестью. Он искренне делает своё дело, спасается сам и помогает спасаться другим.

- А кто помогал формироваться в Православии вам? Был ли у вас духовник?

- Я родом из атеистической семьи. Отец мой был военным, мама – служащей. Вот бабушка в Бога веровала. Она меня не просвещала, но у неё я впервые увидел иконки, лампадку, неприятно изданные книжки – вероятно, жития святых, Четьи-Минеи. Меня это заинтересовало. А потом уже в зрелом возрасте, на трудном этапе моей жизни, я почувствовал необходимость иметь духовного наставника. Вечерами, в свободное от работы время, я ходил по московским храмам (их тогда было немного), знакомился с церковным укладом, учился молиться, присматривался. И однажды в одном из храмов

услышал проповедь священника, которая меня прямо-таки ошеломила. Мы договорились с батюшкой о встрече – и далее началось моё воцерковление. Этот священник впоследствии благословил меня поменять сферу служения - самому стать священником. Так что уже через пару лет я пришёл в Новодевичий монастырь сначала как чтец, а вскоре поступил в семинарию.

- Можно считать, что вам повезло. А часто можно услышать сетования: не исповедуюсь, потому что у меня нет духовника.

- Раньше, до революции, все верующие были прикреплены к определённым приходам и были обязаны посещать только тот или иной храм, регламентированно исповедоваться и причащаться, говеть к определённому сроку и т.п. Такое давление на совесть человека охлаждало религиозное чувство, приводило к формальному участию в Таинствах. Но в наши дни, когда Церковь отделена от государства, каждый свободно может заходить в любой храм. Иди, ищи духовника! Только не как костюм в магазине («хочется церковь старинную, «историческую», да чтобы хор профессиональный, а прихожан – напротив, немного»). Нужно искать священника, в котором ты сможешь увидеть прежде всего человека и который в тебе готов видеть человека – сочувствовать тебе, плакать вместе с тобой, направлять тебя. А найдётся такой – нужно беречь его, держаться его крепко. Но и не злоупотреблять его временем.

- Отец Кирилл, вы без малого 10 лет несёте послушание духовника Московской епархии. Что говорят ваши наблюдения: изменились ли подмосковные священники за это время? Если да, то в какую сторону?

- Осмелюсь высказать предположение, что качество нашего священства меняется в лучшую сторону. Приведу только один аргумент: за последние годы абсолютно все семинаристы, приходящие на ставленническую исповедь, как и их жёны, свидетельствуют, что вступили в брак девственниками. А прежде ситуация была иная. О чём это говорит? О том, что в Церковь приходит новое поколение, воспитанное в воскресных школах. Эти молодые люди с детства исповедовались и причащались, они впитали в себя понимание нравственности, духовного и телесного целомудрия. И это реальная работа Церкви с детьми, которая теперь приносит свои плоды.

- Какую роль в жизни следует отводить исповеди?

- Не исповедоваться – душевредно. Грех разрушителен, и надо научиться чувствовать, как он обжигает сердце. Душа, отравленная грехом и оставляемая без

покаяния, не может работать для Господа. А исповедь – неотъемлемая часть нашего духовного бытия, и для священника – в особенности. Исповедь - это Таинство, источник благодати Святого Духа. Начав регулярно и серьёзно исповедоваться, человек неизбежно меняется и преображается к лучшему.

Беседовала Наталья Мотина